

крупный план

Ольга Волкова:

С сыном Ваней

фото Алексея Петрова

Лучше работать официанткой, чем сниматься в рекламе

С известной актрисой Ольгой Волковой мы безуспешно пытались встретиться почти месяц: кино, театр, постоянная занятость. И это в 67! Своего возраста актриса не скрывает. Во-первых, выглядит хорошо, а во-вторых, не секрет, что для нее годы стали союзниками. Чем старше становилась Волкова, тем больше привлекала внимание режиссеров.

О Хаматовой говорить не хочу

— Как вы поддерживаете тонус?

— Никак не поддерживаю, просто впрягаюсь, как лошадь, и работаю. Стараюсь не есть ничего. Иногда я снимаюсь в корсете по 12 часов, захочешь — не поешь.

— Никогда не думаете, что лучше было стать археологом, как мечтали в детстве?

— Как можно жалеть о том, что не состоялось? Кто знает, как относится сейчас к археологии, лучше ли, чем к театру, который закопали совсем? И наука также завяла совсем.

— И все же история вам по-прежнему интересна?

— Интересуюсь, много читаю. Наша профессия, кстати,

так же как и археология, подразумевает структурный анализ материала. Меняются времена, но люди всегда были людьми... Мало что меняется за годы.

— Изменилось что-то в вашей жизни, когда вы из Петербурга переехали в Москву?

— Нет, ничего. Потому что я и до этого много играла в Москве. Больше 10 лет снималась здесь в кино, живя в гостинице, у знакомых. Сейчас у меня в Москве свой дом. Он, кстати, очень похож на питерский. У меня нет ощущения того, что оказалась в другом мире.

— Не скучаете по петербургским друзьям, по Басилашвили, например?

— Я очень хорошо отношусь к Олегу Валерьевичу, но не так часто встречаюсь с ним теперь. У меня внук живет в соседнем подъезде, но мы

практически не видимся. Такая занятость. Такая усталость. Дом, заботы съедают все свободное время. Если я не работаю, занимаюсь домом. И дочка у меня только одна: дом — работа — дом. Судовольствием несу эту вахту.

— Ваши внуки тоже с вами?
— Да. Дочка Катя и внуки. Одна из внучек, Яна, говорит, что хочет стать журналистом.

Тонус никак не поддерживаю, просто впрягаюсь, как лошадь, и работаю.

— Ваш сын Иван Волков, как и вы, актер...

— Мы с ним даже снялись вместе в двухсерийной картине. Он — в главной роли, я — бабушка. Получилось удачно.

— Вы общаетесь с бывшей супругой Вани Чулпан Хаматовой?

— Это наши личные отношения, не хочу говорить...

Мама была сильная женщина

— Трудности преодолевать и держать удар в этой жизни вас братья-боксеры научили?

— Это отец занимался боксом. Старший брат увлекался плаванием, а младший вообще не был спортивным. Ну, в общем, вы правы, когда растешь с братьями, так или иначе учишься держать удар. Нельзя плакать, нельзя жаловаться. Меня воспитывали строго. В сложных ситуациях мама говорила: «Приведи себя в порядок: причешись, надо действовать, а не валяться в кровати! Биться головой о стенку непродуктивно!» Мама была сильная женщина и нас тоже пыталась воспитать сильными.

— Вы говорили, что в жизни вам очень помогает юмор.

— Иногда он мне уже отказывает. Может быть, это связано с тем, что раздражают повсеместные несправедливость и хамство. У мужа (художника Владимира Ховраева. — Прим. авт.) не так давно была операция. Он лежал в больнице. Прихожу к нему, спрашиваю у медсестер, почему не померили давление. А мне говорят: «Он что, сам не мог попросить?»

лучше уж работать официанткой и сохранить в себе творческую гармонию, чем сниматься в рекламе и низкопробных сериалах. У нас в России всегда была страсть цеплять иностранные слова. Недавно появилось новое слово — «медийность». Говорят: «Хороший актер, но не медийный». Это, на мой взгляд, ужасно. Не все золото, что блестит, не все ценно, что медийно.

Мне 67 лет. Я могла сниматься и в 20, и в 30, и в 40 лет. Не снимали, типажа не попадало. Мне иногда кажется, что меня и сегодня зовут на съемочную площадку только потому, что я перелицовываю порой довольно паршивые эпизоды.

— Интересно, кто ваш любимый режиссер. Наверное, Рязанов, благодаря которому вы стали известной?

— Не могу сказать, что он самый любимый. Это значило бы обидеть многих замечательных режиссеров, с которыми пришлось работать. Это как про детей спросить: «Кого вы больше любите?» А режиссеры — это почти те же дети. Еще не отвечаю на вопрос, какие роли дороги. Все! И в «Небесах обетованных», и в других картинах и спектаклях. Эпизодические и большие роли, и те, которые мало кто видел.

— Говорят, что Рязанов называл вас гениальной актрисой?

— Не знаю, не слышала, но этому режиссеру я очень благодарна за все, что мы с ним сделали. Рязанов вообще-то всегда немного боится, что я «переберу».

— Бывает, что вы не согласны с режиссером и высказываете свою точку зрения?

— Бывает, и за это меня не любят многие. Но если режиссер умный, он понимает, что мои предложения — это не упрямство и не желание просто переиначить все по-своему. Это ради дела. А когда я со всем согласна, я даже рта не раскрываю.

— Вы интересуетесь современной литературой?

— Иногда кидаешься, но откладываешь, очень уж много текстов приходится читать. Отдыхаю на классике. На моем любимом Бунине, Набокове, Чехове. Гончарова по сто раз перечитываю. Интересуюсь историей того или иного произведения. Вот таким образом расширяю кругозор.

мучая, эгоизм немотивированный.

Режиссеры — это почти те же дети

— Как вы оцениваете сегодняшнее искусство: театр, кино?

— Вокруг нас чудовищная бездуховность. Иногда я думаю:

■ Марина Суранова.